

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский

д. филос. н., ординарный профессор, национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ В ПОИСКАХ РАВНОВЕСИЯ МЕЖДУ ПРАВОМ И ПОЛИТИКОЙ (Часть 1)

Аннотация. Кризис международного права демонстрирует растущую нестабильность в международных отношениях в таких областях, как легитимность/легальность, фрагментация/интеграция, правовая асимметрия/симметрия. Потенциал этих изменений настолько велик, что позволяет поставить под вопрос сохранение базового общественного договора — международного консенсуса, достигнутого между сверхдержавами по окончании Второй мировой войны и воплощённого в Уставе ООН и Статуте его Международного суда. Утрата равновесия в международных отношениях означает огромный вызов всей системе международного правосудия, которая должна быть, с одной стороны, гарантом применения международных норм, а с другой, — нейтральным и эффективным инструментом правовой медиации между конфликтующими акторами. Обозревая конфликтные тенденции и трудности современного международного правосудия, автор рассматривает перспективы появления нового равновесия, достигаемого комплексом правовых, внеправовых и политических механизмов во имя установления более стабильной системы международного правосудия.

Ключевые слова: международное право, международное правосудие, международные и национальные суды, конфликт компетенций, уголовная юстиция, переходное правосудие, политика права.

JEL: K33, K38, K40

УДК: 341, 334.02, 339.9

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_130_143

© А.Н. Медушевский, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Медушевский А.Н. Международное правосудие в поисках равновесия между правом и политикой (Часть 1) // Вопросы теоретической экономики. 2025. №2. С. 130–143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_130_143.

FOR CITATION: Medushevskiy A. International Justice in Search of a Balance between Law and Politics (Part 1) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 2. Pp. 130–143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_130_143.

Введение

Перспективы формирования глобальной правовой системы представлены интеграционными процессами, унификацией стандартов и конституционализацией международного права поверх национальных границ суверенных государств. Инструментом такой координации выступает прежде всего международное правосудие, с развитием которого связывается преодоление дифференциации позиций участников международного процесса — регионов, государств, транснациональных корпораций, общественных

организаций и институтов формирующегося глобального управления. Прогресс в развитии глобального права ассоциируется с продвижением положений Устава ООН и его толкования Международным судом ООН, а также различными проектами расширения его компетенции и повышения эффективности реализации решений.

Кардинальные изменения в положении международного правосудия с окончанием Второй мировой войны и созданием ООН определяются следующими факторами: принятием и юридическим закреплением приоритетов идеологии прав человека во всемирном масштабе; растущей конвергенцией международного и конституционного права; расширением компетенции международных судов — включением в неё областей, традиционно относившихся к ведению национальных правительств или являвшихся предметом межгосударственной дипломатии. Меняется функция международных судов — из вполне статичного института («негативного законодателя») и пассивного органа («уста закона») они превращаются в активного создателя международного права. Надежды сторонников глобального права связываются прежде всего с Международным судом ООН, интеграционным проектом ЕС, Европейской Конвенцией по правам человека 1950 г. (ЕКПЧ), юриспруденцией Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и ряда других важнейших международных судов. Это делает международные суды и порядок их отношений с национальными конституционными судами предметом внимания и интенсивного изучения, а используемые ими методы интерпретации права — центральной проблемой глобального конституционализма.

Однако ожиданиям наступления эпохи единого глобального права, доминировавшим на рубеже XX — начала XXI столетий, сегодня противостоит мощный регрессивный тренд, определяемый как кризис легитимности международного права и институтов. Проявлениями дисфункции интернационального правосудия стали: драматический раскол в понимании сторонами смысла ранее вполне стабильных договорных понятий международного и национального конституционного права, оказавшихся доступными едва ли не противоположным интерпретациям; рост на этом фоне фрагментации правовых регионов и секторов правового регулирования; конфликт компетенций международных и национальных судов разных уровней; растущее недоверие к международным уголовным судам и трибуналам, очевидная неспособность международных институтов предотвратить войны и остановить острые международные конфликты по всему миру. Осмысление параметров кризиса международного правосудия и путей его преодоления, связанных с поиском нового равновесия права и политики, — предмет настоящей статьи¹.

Международное правосудие как фактор интеграции глобального правового пространства

В рамках концепции глобального конституционализма решение проблемы глобальной интеграции усматривается в стимулировании процессов конституционализации международного права, сближении правовых систем и координации действий интернациональных и национальных правовых и политических институтов. В то же время достигнутый уровень и перспективы интеграции оцениваются по-разному: одни считают, что глобальный конституционализм уже существует, а его продвижение возможно с опорой на Хартию ООН и Международный суд ООН; другие отрицают конституционализацию общего мирового порядка, считая его в лучшем случае делом отдалённого будущего;

¹ Данная статья написана на основании доклада автора и дискуссии по нему на конференции: «Универсальные стандарты прав человека и их имплементация: тенденции конституционного и международного правосудия в 2024 году» (Четвёртая конференция Центра конституционных исследований 12–13 декабря 2024).

третьи допускают такую возможность для отдельных интеграционных объединений — наиболее продвинутых региональных союзов государств [Медушевский, 2023]. Критиками глобального конституционализма система международного правосудия, напротив, рассматривается как несправедливая, пребывающая в кризисе и утратившая легитимность². Деградация международного права связывается с тем, что, благодаря эгоистическим действиям сверхдержав, прежде всего США, оно отступило от его классических принципов, закреплённых в Уставе ООН [Бауринг, 2021].

Примером успешной интеграции выступает Европейский Союз, демонстрирующий высокий уровень кодификации основных прав человека и системы судебного пересмотра актов Союза [Право Европейской конвенции..., 2018; Тимофеев, Секретова, 2019]. Представление о том, что Европейская конвенция по правам человека (ЕКПЧ) — это конституция ЕС, а Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) — аналог конституционного суда имеет определённое право на существование. Конвенция во многих отношениях напоминает конституцию, опираясь на принципы верховенства права, социального государства и федерализм. Однако Конвенцию нельзя признать конституцией в классическом понимании термина³. Создание системы права ЕС стало возможно в результате эволюции данного интеграционного объединения от конституционного монизма (опирающегося на идею единственного источника конституционной власти на определённой территории) к принципу конституционного плюрализма⁴.

Интеграционные процессы в Латинской Америке, в свою очередь, связаны с толкованием Американской конвенции о правах человека Межамериканским судом по правам человека. Им сформулированы правовые позиции, направленные на расширение обязательств государств — участников Конвенции за счёт широкого круга дополнительных специфических обязательств⁵. Интеграционная роль Межамериканского суда выражена в его активистской позиции по формированию общих принципов и стандартов, важных при рассмотрении особых институциональных ситуаций латиноамериканских стран: небросовое применение принципа недопустимости повторного рассмотрения однажды решённого дела; обязательства по межгосударственному сотрудничеству в расследовании и экстрадиции; возможность признания Судом деяний преступлениями против человечества; материальные и процессуальные нарушения, препятствующие должной осмотрительности; квалификация преступлений для проведения эффективного расследования; должная осмотрительность по отношению к системным преступлениям и правосудию переходного периода⁶.

² Иногда воспроизводится образ суда, выраженный в сочинении Ф. Кафки — «Процесс», где он сравнивает Суд с «лабиринтом», говорит о его «безрезультативности» и заканчивает констатацией «абсолютной бессмысленности всей системы в целом» (Кафка Ф. Процесс // Малое собрание сочинений. — СПб.: Азбука, 2014. С. 127).

³ ЕКПЧ остаётся международным документом, не фиксирующим принципы и институты государственного устройства, а ЕСПЧ — выступает гарантом конвенциональных норм, продвигая их в дискуссии с национальными правительствами и конституционными судами. Суд, следовательно, отстаивает особую европейскую модель «общественного договора», которая ныне «демонстрирует признаки кризиса» [Нуссбергер, 2019. С.3].

⁴ Принцип плюрализма предполагает существование и взаимодействие различных конституционных порядков. См.: [Чайка, 2020].

⁵ Эта позиция опирается на две концепции — право на защиту от дискриминации, фиксируемое Конвенцией, и концепцию «уязвимости» определённых категорий населения, сочетание которых способствовало борьбе со структурным неравенством и расширению позитивных обязательств государств [Бюргорг-Ларсен, 2014].

⁶ Принцип «должной осмотрительности» означает, что Суд должен руководствоваться не просто принципом усмотрения, квалифицирующим определённый акт насилия как преступление, но проводить тщательное изучение соответствующей криминальной структуры, ответственной за системное нарушение прав человека (например, массовые убийства), включая параметры её возникновения, структуры, руководства, информационных коммуникаций, целей и методов деятельности, связи с государственными институтами. [Пара Вера, 2015].

В Евразии интеграционные процессы не дали столь ощутимого эффекта. На постсоветском пространстве представлен ряд экспериментов в области интеграционных проектов различной степени интенсивности и соответствующих институтов международного правосудия. Это — Экономический суд Содружества независимых государств (ЭС СНГ); Суд Евразийского экономического сообщества (Суд ЕврАзЭС, действовавший с 2012 до 2014 г.) и Суд Европейского экономического союза (Суд ЕАЭС). Однако в сравнении с Судом ЕС Суд ЕАЭС рассматривается как менее эффективный орган в силу ограниченности своих полномочий: решение Суда ЕАЭС не может изменять/отменять действующие нормы права Союза, нормы законодательства государств-членов, создавать новые нормы права, а также выходить за рамки указанных в заявлении вопросов. Не имея твёрдого правового основания, Суд ЕАЭС держится во многом лишь на политической воле глав государств — членов этого Союза, которая способна быть изменчивой⁷. Другие объединения государств в азиатском регионе (АСЕАН), признавая необходимой координацию в области прав человека [Global Constitutionalism, 2020], не доводят эту идею до создания специализированного транснационального суда, допуская существование особых «азиатских ценностей» и обращая преимущественное внимание на вопросы торговли и инвестирования.

Связь процессов глобализации и правовой интеграции с деятельностью институтов международного правосудия не является линейной. В этой логике, полагает ряд экспертов, не всякая форма международного сотрудничества государств может квалифицироваться как интеграция, но лишь та, где представлено «функционирование общего суда, в компетенцию которого входит, прежде всего, толкование, в том числе преюдициальное, договоров и соглашений этих объединений, а также разрешение споров между государствами, органами этих объединений» [Ulfstein, 2020]. Несмотря на разный уровень интенсивности интеграционных процессов в глобальных регионах, они продвигаются вперёд, делая возможным появление ряда новых понятий — «интеграционного союза», «интеграционного права» и «интеграционного правосудия».

Международное правосудие за пределами Европы: аспекты адаптации европейской модели

Интеграционные процессы в мире имеют разный уровень интенсивности. Интеграционная модель ЕС добилась успеха в значительной степени благодаря конструкции судопроизводства, состоящей в «сплаве христианских и светских ценностей, в достаточно простой и доступной процедуре рассмотрения жалоб, в обязательном исполнении постановлений Европейского Суда», хотя её слабой стороной признаётся «размытость некоторых понятий в Конвенции (“справедливое правосудие”, “частная жизнь”, “собственность”) и противоречивость их толкования в разных прецедентах»⁸. Данная модель представлена взаимодействием двух институтов — Суда ЕС и ЕСПЧ. Право объединений государств в разных регионах мира — Евразии, Латинской Америке и Африке — в целом ориентируется на европейские стандарты, но демонстрирует разный уровень интеграции именно в связи с ролью в них институтов международного правосудия [Интеграционное правосудие..., 2016].

⁷ Из этого следует общий вывод о нестабильности Суда ЕАЭС [Кембаев, 2016]. Оценки потенциала ЕАЭС поэтому противоположны. Одни исследователи видят в результатах его деятельности «совершенствование норм евразийского права», отражённое в «единой скоординированной и согласованной политике» [Нешатаева, 2017]. Другие считают Суд полностью зависимым от государств-членов институтом, который «тормозит развитие интеграции», что превращает Суд в «декоративный орган» и вызывает «недоверие к праву ЕАЭС» [Толстых, 2018. С. 75].

⁸ См.: «Высказывая резкое несогласие, нельзя сходить с колеи профессионализма»: интервью с судьёй А.И. Ковлером // *Международное правосудие*. 2013. № 1 (5). С. 70.

В Латинской Америке Андский суд (созданный в 1985 г.) исповедует интеграционные установки, сходные с Судом ЕС: исходит из преобладания норм Андского Сообщества над многосторонними и двусторонними договорами государств-членов, обладая компетенцией интерпретировать и отменять решения основных институтов сообщества, но на деле не реализует этих компетенций. Карибское Сообщество (CARICOM) (созданное в 1973 г.) учредило Карибский суд справедливости (2001 г.), ориентированный на правовые стандарты ЕС. Но государства — члены Карибского Сообщества имеют существенно различные правовые системы, исторически доставшиеся от разных государств-метрополий (Великобритании, Франции, Голландии), и экспериментируют с их комбинированными вариантами [*The Oxford Handbook...*, 2020]. Карибский суд поэтому сталкивается с проблемами постколониальной ситуации, пытаясь выступать в качестве Суда Сообщества (в первой инстанции) и одновременно конкурента Судебного комитета Тайного совета Великобритании (как суда последней инстанции)⁹. С этим связывается недостаток легитимности Суда и его ограниченная эффективность. Такое интеграционное объединение, как Общий рынок стран Южной Америки — МЕРКОСУР (созданное в 1991 г.), вообще не имеет своего полноценного Суда, доверяя разрешение конфликтов арбитражным судам и Постоянному ревизионному суду, выступающему преимущественно в качестве апелляционной инстанции с достаточно ограниченной компетенцией.

Африканская система защиты прав человека находится на стадии формирования. В 1963 г. была принята Хартия Организации африканского единства (ОАЭ); в 1981 г. — Африканская хартия прав человека и народов; в 2000 г. ОАЭ трансформировалась в Африканский Союз по модели ЕС. Государства Африки приняли протоколы о создании двух судебных органов: Африканского суда прав человека и народов (принят в 1998 г., вступил в силу в 2004 г.) и Суда (буквально «Суда справедливости») Африканского союза (принят в 2003 г., вступил в силу в 2009 г.). На основе протокола, принятого в 2008 г., два судебных органа должны быть объединены в один — Африканский суд справедливости и прав человека. Предполагалось, что в перспективе Африканский суд справедливости и прав человека будет совмещать функции главного судебного органа международной организации и международного суда по правам человека в рамках этой организации. Однако судебная защита прав оценивается как чрезвычайно ограниченная в виду отсутствия согласия между государствами [*Ржевская*, 2013; *Мороз*, 2015].

В Африке действуют суды различных региональных объединений — Общего рынка для Восточной и Южной Африки (КОМЕКА); Суд Восточноафриканского сообщества (ВАС); Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС); Трибунал Сообщества развития Юга Африки (САДК). Представлены также: Суд Западноафриканского экономического сообщества; Суд правосудия Центральной Африки; Общий суд правосудия и арбитража. Наиболее известное из этих объединений — Экономическое сообщество стран Западной Африки (созданное в 1975 г.) — образовало Суд ЭКОВАС (1991 г.), со временем (с 2005 г.) получивший сходство с европейской моделью, зафиксировав право частной жалобы на нарушение прав в любой из стран Сообщества. Однако на практике Суд не смог реализовать этих полномочий, ограничившись продвижением внесудебных правозащитных стратегий [*Интеграционное правосудие...*, 2016].

Чем объяснить отсутствие прогресса судебной модели ЕС за его пределами? Констатируется, что критерием успеха судов в интеграционных объединениях является наличие политической воли: в случае Европы она присутствовала, сделав европейскую модель судебной власти институтом продвижения интеграции, и, напротив, её отсутствие

⁹ На практике закреплена роль Суда Тайного Совета в защите конституционных прав, которая оспаривается сторонниками преодоления колониальных институтов, усматривающих перспективу именно в усилении Карибского суда справедливости [*Vasciannie*, 2020].

овернулось неудачей в двух других случаях. В отличие от Европы, неуверенность положения международных судов в Евразии, Латинской Америке и Африке связана со стремлением избежать конфликтов с другими институтами сообществ, трудностью достижения компромиссов между государствами и предпочтением выборочных и более мягких решений [*The Oxford Handbook...*, 2020; *Global Constitutionalism...*, 2020]. Региональная интеграция, основанная на унификации права и роли судебного толкования, здесь не состоялась или представлена в ограниченной форме, уступая место политической интеграции.

Конфликты компетенций международных судов как выражение фрагментации глобального правового регулирования

Проблема фрагментации международного права поставлена экспертами ООН в 2006 г.¹⁰, хотя в реальности начала ощущаться раньше. Фрагментация международного права понимается как неоднозначное истолкование единых международных норм различными международными судами, ведущее к дифференциации их позиций по сходным вопросам. Следствиями фрагментации международного права стали: обособление сфер правового регулирования; появление различных договоров, регулирующих один вопрос; увеличение числа специализированных судов и трибуналов; их взаимная изоляция; дифференциация практик. Наиболее чётким выражением тренда стал конфликт компетенций — посягательство судов на юрисдикцию друг друга. Преодоление фрагментации в практике международных судов усматривается на пути «интеграции интеграций»¹¹. Следовательно, фрагментация усиливает конкуренцию правовых позиций, превращая судебный диалог в соперничество, в основе которого — конфликт интересов, компетенций и стратегий интерпретации международного права.

Иллюстрацией этого служит разворачивающийся конфликт судов, который не только не ослабевает, но усиливается с течением времени, достигнув сейчас острой формы. Конфликт между судами выражается в различии стратегий формирования правовой идентичности на разных уровнях — глобальном (Международный суд ООН), региональном (транснациональные суды регионов) и национальном (конституционные и верховные суды). Представлены четыре уровня конфликтов — между судами, действующими под эгидой ООН; международного суда ООН и регионального; конфликт региональных судов, а также конфликт регионального и национальных судов.

Первый тип конфликта — выражает «конкуренция компетенций» нескольких международных органов по разрешению споров. Иллюстрацией может служить противоречие позиций Международного суда ООН и Трибунала по бывшей Югославии по вопросу геноцида (дело Тадича). Апелляционная палата МТБЮ на основе теста всеобъемлющего контроля квалифицировала действия боснийских сербов как ответственность государства — Федеративной Республики Югославии. Международный суд ООН, напротив, констатировал, что вопросы ответственности государств находятся вне пределов компетенции МТБЮ, в юрисдикцию которого входят только уголовные преступления отдельных лиц, причём именно последние (а не государство) в данном случае несут ответственность за геноцид. Этот тип конфликта компетенций оценивается как наиболее опасный, поскольку присутствует в отношениях двух судебных институтов ООН.

¹⁰ См.: Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права: ООН. Доклад комиссии международного права: 58-я сессия (1 мая — 9 июня и 3 июля- 11 августа 2006 г.) / ООН. — Нью-Йорк, 2006.

¹¹ Метод её проведения усматривается «в совершенствовании правовых норм, взаимном уважении судов и готовности к сотрудничеству» [Нешатаева, 2015. С.5].

Второй тип конфликта — конфликт Международного суда ООН и Суда ЕС — наиболее чётко представлен делом Кади. Оно рассматривается как революционный поворот — первый случай отстаивания собственной правовой автономии со стороны ЕС по отношению к глобальным институтам посредством установления барьера для действия норм общего международного права. Институты ЕС, как предполагается, стремятся придать ему качества государства, что выражается в тенденции рассматривать нормы Учредительных договоров ЕС как приоритетные по отношению к нормам международного права. Этот поворот, по мнению ряда аналитиков, отражает стремление Суда ЕС играть доминирующую роль в толковании норм ЕС. Доказательство усматривается, в частности, в решениях Суда ЕС, отдающих приоритет внутреннему европейскому праву (Договорам о ЕС и его функционировании) перед международным правом (положениям Устава ООН), противопоставляя международные обязательства государств-членов по внешним соглашениям данным договорам.

Если ранее основная позиция состояла в «уважении» норм международного права (прежде всего Устава ООН), то в деле Кади констатируется изменение этой позиции — устанавливается приоритет правопорядка ЕС над любыми международными обязательствами государств-членов, включая обязательства государств-членов, вытекающие из Устава ООН и затрагивающие сферу защиты прав человека. Смысл решения по делу Кади в этой интерпретации состоит в попытке обосновать конституционное верховенство правопорядка ЕС, что ставит под сомнение ранее не оспаривавшийся автоматический приоритет положений Устава ООН. Тренд к фиксации автономности соответствующих региональных правовых систем демонстрирует Суд Андского Сообщества, Суд Карибского Сообщества [*The Oxford Handbook...*, 2020], а в известной мере и Суд Евразийского экономического союза, хотя он не декларировал автономности евразийского правопорядка.

Ожидания и реальность международных судов не совпадают. Результаты практической деятельности международных судебных учреждений (от Международного суда ООН до судов региональных сообществ и уголовных трибуналов) не выглядят оптимистично. Убеждение в том, что именно МС ООН выступает верховным судом — хранителем международного гуманитарного права, сталкивается с проблемой его фрагментации — усилением различия правовых позиций и автономности других судебных учреждений — судов и трибуналов. Факторами, ограничивающими роль судов, признаны: нежелание государств передавать наиболее чувствительные вопросы на рассмотрение Международного суда ООН и других судов; особенности отношений региональных судов по правам человека (не слишком приспособленных для решения вопроса нарушения этих прав в контексте вооружённых конфликтов); различие их компетенций по регионам мира; просчёты самих международных уголовных судов и трибуналов; скептическое отношение государств к институтам международного уголовного правосудия [Гнатовский, 2013. С. 87]. С развитием глобального противостояния усиливается стремление наиболее могущественных государств блокировать суды по политическим причинам.

Конфликт компетенций транснациональных судов ЕС

Третий тип конфликта — между транснациональными судами одного региона — иллюстрировался прежде всего противоречиями Суда ЕС и ЕСПЧ. Различие компетенций и позиций двух судов не удалось преодолеть с течением времени [Нуссбергер, 2022]. Вопреки ожиданиям официальных структур Европейского Союза, его государств-членов и значительной части экспертного сообщества, Суд ЕС выступил против присоединения ЕС к ЕКПЧ, приняв отрицательное Заключение № 2/13 на проект Соглашения о присоединении Европейского Союза к Европейской Конвенции по правам человека (2014 г.). Объяснение этого факта усматривается в ряде причин.

Во-первых, неоднозначность положений основополагающих документов двух Судов (ЕКПЧ и Хартия основных прав ЕС). Если ЕСПЧ опирается на толкование ЕКПЧ, то Суд ЕС опирается на Хартию ЕС об основных правах, которая стала частью проекта Европейской Конституции, а затем Лиссабонского договора 2007 г. Таким образом, Суды Европы не едины в понимании функционирования европейского пространства свободы, безопасности и правосудия¹².

Во-вторых, констатируется различие политических стратегий двух Судов: ЕСПЧ ориентируется на защиту прав человека с позиций международного права, а Суд ЕС на превращение квазифедерации в федерацию [*Право Европейской конвенции...*, 2018; «*Совесть Европы...*»^{*13}..., 2019]. Если Суд ЕС апеллирует к интеграционным принципам Союза, рассматривая его как единое целое («квазигосударство»), то ЕСПЧ рассматривает ЕС как совокупность государств. В этой совокупности каждое из государств обязано соблюдать требования ЕКПЧ, руководствуясь презумпцией эквивалентной защиты (презумпция Босфора), которая должна устанавливаться в конкретном случае с учётом фактических и юридических обстоятельств дела. Понятие конкуренции в отношении стратегии судов означает различное видение ими целей международного регулирования с позиций ценностей прав человека или конструирования нового квазигосударства — европейской федерации — путём «судебной федерализации Союза». В рамках этой интерпретации Суд ЕС всё более уходит от роли международного суда и позиционирует себя как «Верховный Суд Европейского Союза», решения которого обязательны для всех судов государств-членов, а его прецеденты, хотя и не являются формальным источником права ЕС, признаются играющими важную роль в обеспечении его единства и целостности, приобретая с течением времени «квазинормативный характер» (стадии этого процесса отражены в [*Исполинов*, 2015; *Исполинов*, 2016; *Исполинов*, 2018]).

В-третьих, как считает большинство европейских аналитиков, в этом споре двух судов присутствует элементарная конкуренция в борьбе за компетенцию и власть. Поэтому риск утраты Судом монопольного права по толкованию норм, действующих в правовом порядке ЕС, следует признать основным мотивом отказа Суда ЕС присоединиться к ЕКПЧ [*Лифшиц*, 2019].

Таким образом, в одном случае речь идёт о конкуренции правовых стандартов защиты прав человека, в другом — политических стратегий, в третьем — об институциональной конкуренции европейских судов в целом за власть и влияние. Последнее, прагматическое, объяснение не исключает двух других, но является более реалистическим.

Конфликт компетенций наднациональных и национальных конституционных судов

Частью проблемы правовой интеграции выступает поиск новых принципов взаимодействия наднациональных (международных, региональных) и национальных судов с целью гармонизации их решений¹⁴. Эти вопросы рассматриваются главным образом

¹² Это касается, в частности, применения «дублинского регламента», правового сотрудничества по уголовным и гражданским делам, интерпретации принципа взаимного доверия и основанного на нём принципа взаимного признания (ЕСПЧ исходит из того, что автоматическое применение принципа взаимного доверия не обеспечивает надлежащую защиту прав человека, гарантированных ЕКПЧ) (см.: [*Войников*, 2020]).

¹³ * — Настоящий материал (информация) произведён, распространён иностранным агентом Автономная некоммерческая организация «Институт права и публичной политики», либо касается деятельности иностранного агента Автономная некоммерческая организация «Институт права и публичной политики».

¹⁴ При общем сходстве смысла ключевых понятий (международного, транснационального, регионального и наднационального правосудия) они не тождественны, отражая, в частности, степень обязательности выполнения судами международных договоров и различных обязательств.

на материале ЕКПЧ и роли прецедентов ЕСПЧ в интерпретации национальными государствами — членами Совета Европы [*Право Европейской конвенции...*, 2018; «*Совесть Европы...*»¹⁵..., 2019]. В отношениях международных (региональных) и национальных судов констатируется противоречивая диалектика взаимодействия и взаимного соперничества. Ратифицируя ЕКПЧ, государства-участники признают обязательность окончательных постановлений ЕСПЧ (п.1 ст. 46 Конвенции) и соглашаются исполнять их на уровне своей внутренней правовой системы. Причём конечным результатом исполнения должна стать эффективная реакция на обнаруженные нарушения прав человека. В то же время взаимосвязь между Конвенцией и ЕСПЧ, с одной стороны, и национальными конституционными или верховными судами — с другой, рассматривается «не как односторонняя и иерархическая, а как тонкая и дифференцированная»: «исполнение решений ЕСПЧ считается обязанностью, однако не всегда без исключений» [Нуссбергер, 2022. С.135-138].

Отношения ЕСПЧ и национальных судов включают поэтому конфликтность, степень которой определяется формулами о «слабой», «умеренной» или «жёсткой» критике постановлений ЕСПЧ с позиций национальных судов [Нуссбергер, 2022]. Так, Конституционный суд ФРГ предпринял усилия для определения теоретических рамок взаимодействия систем защиты прав человека на национальном и европейском уровнях; Конституционный суд Италии продемонстрировал тот же тренд; Верховный Суд Великобритании выступил с критикой конкретных постановлений ЕСПЧ. Вопросы защиты так называемой национальной «конституционной идентичности» в острой форме были поставлены в странах Восточной Европы — членах ЕС (Венгрии, Польше, Румынии), отказавшихся следовать в фарватере решений ЕСПЧ в ходе конституционных и судебных контрреформ, проходивших под популистскими лозунгами возрождения национального суверенитета, узурпированного Брюсселем [*Constitutional Crisis...*, 2015]. Наивысшей стадии данная риторика достигла, по-видимому, в период Брексита (2016 г.), усилив потенциал оппозиции в ЕС¹⁶.

Сравнительный анализ позволил обнаружить параллелизм во взаимоотношениях наднационального и национального правосудия на Западе (взаимодействие Суда ЕС с Конституционными судами Германии и Италии) и в Евразии (взаимодействие Суда ЕАЭС с Конституционным судом России). Общей установкой выступает приоритет наднационального права соответствующих объединений, однако, при сохранении национальными судами определённой автономии и сферы действий. В основе взаимодействия лежит формула о том, что более высокий стандарт защиты прав не может быть понижен наднациональным судом¹⁷.

В других регионах проблема конфликтности решений международных и национальных судов стоит не менее остро. В отличие от ЕС, интерпретация Американской конвенции прав человека Межамериканским судом по правам человека требует от государств континента отмены внутренних правовых норм, противоречащих Конвенции. Это, по мнению критиков, порождает целый ряд негативных последствий: диалог всех судов заменяется монологом одного, игнорируется региональная специфика отдельных государств, прецеденты транснационального суда вытесняют логику юридической аргументации национальных судов, а последние превращаются в простых регистраторов и исполнителей решений

¹⁵ * — Настоящий материал (информация) произведён, распространён иностранным агентом Автономная некоммерческая организация «Институт права и публичной политики», либо касается деятельности иностранного агента Автономная некоммерческая организация «Институт права и публичной политики».

¹⁶ Определённые диспропорции вносит и различие степени транснациональной защиты прав: в делах о защите социально-экономических прав ЕСПЧ традиционно предоставляет государствам более широкую сферу усмотрения [Сыченко, 2016].

¹⁷ Механизм взаимодействия наднациональных и национальных судов для преодоления противоречий усматривается в диалоге — поиске «контактных точек» между верховными, конституционными и наднациональными судами [Нешатаева, 2016].

высшего института абсолютного конвенционального контроля. Это подрывает независимость латиноамериканских судей и ведёт к эрозии легитимности их решений¹⁸.

Вопрос о будущей роли международных судов, и прежде всего ЕСПЧ, в продвижении глобального конституционализма остаётся открытым. Некоторые считают, что это будущее — «неопределённо», а его роль и влияние «не носят бесспорного характера», сталкиваясь с такими глобальными тенденциями, как растущий скептицизм, национализм и угроза политизации судебных решений. «Является ли его борьба с фрагментацией в международном праве не чем иным, как борьбой с ветряными мельницами, — спрашивает А. Нуссбергер (бывший судья ЕСПЧ), — ещё предстоит увидеть» [Нуссбергер, 2022. С. 178, 230].

Все три типа конфликтов компетенций международных и региональных судов являются отражением процессов фрагментации, за которыми стоят не только юридические, но и политические интересы акторов международного процесса. Конфликт международных судов ставит под вопрос единство и эффективность всего международного порядка, конфликты международных и региональных судов выражают фрагментацию региональных правовых систем, а конфликт судов внутри одного региона (ЕС) порождает риск появления двух систем защиты прав человека. Вопросы, встающие в связи с этим: какой тип отношений — интеграция или фрагментация — станет доминирующим и как суды могут преодолеть споры о компетенциях в условиях растущих идеологических и политических противоречий?

Противостояние ЕСПЧ и Конституционного суда России

Наибольшей конфликтностью характеризовались отношения ЕСПЧ и Конституционного суда России, которые включали несколько этапов — идеализм, реализм и консерватизм. Решения ЕСПЧ, затрагивающие внешнеполитические интересы России, признанные критиками политизированными, касались вопросов истории — ретроспективного применения положений Конвенции 1950 г. к деяниям, совершённым властями до её принятия и ратификации Россией (например, оценка Катынского расстрела в деле «Яновец и другие против России» 2013 г.) [Тимофеев, 2013]; ретроактивного применения международного уголовного права (в деле «Кононов против Латвии»), ставшего для российских властей примером переписывания истории Второй мировой войны, «политически мотивированным решением и применением двойных стандартов» [Бауринг, 2012]. Не менее спорными признаны дела об ответственности России за процессы, происходящие в непризнанных государственных образованиях, таких как Приднестровье, Нагорный Карабах и другие, без учёта политической составляющей этих сложных феноменов¹⁹. Односторонность решений ЕСПЧ может быть связана с неадекватной информированностью, граничащей с непониманием природы соответствующих конфликтов, различием критериев оценки дискриминационных практик или пределов возможностей государства в расследовании преступлений прошлого²⁰.

Безусловную конфликтность имели решения ЕСПЧ, носившие, по мнению российских властей, политизированный характер, выраженную антироссийскую направленность

¹⁸ Выход усматривается в создании «интегрированной межамериканской модели», где обеспечен двусторонний диалог судей разных уровней, а национальные суды создают собственное прецедентное право, предваряя интерпретацию Конвенции континентальным судом с целью придания его прецедентам большей легитимности [Dulitzky, 2015].

¹⁹ В этих делах, по мнению критиков, «ЕСПЧ в итоге всё больше отдаляется от права международной ответственности, подрывая тем самым свою собственную эффективность» [Русинова, 2016. С.68].

²⁰ См.: Особые мнения судьи ЕСПЧ А. Ковлера по делам: «Илашку и другие против Молдовы и России» (2004); «Константин Маркин против России» (2010); «Яновец и другие против России» (2012) (Международное правосудие. 2013. № 1 (5). С. 75-87; С. 117- 119; С. 120-123).

и характер вмешательства во внутреннюю политику страны. Наиболее резонансными из них следует признать: 1) Решение ЕСПЧ по делу ЮКОСа (2014 г.), продолженное рядом обвинительных вердиктов апелляционного суда в Гааге (о выплате компенсации и судебных издержек акционерам ЮКОСа), противоречившее позиции российских властей (это — побудительная причина и отправная точка изменения закона о КС); 2) Решение о присоединении Крыма (Постановление №6-П от 19 марта 2014 г.), которым договор о принятии Крыма в состав РФ признан конституционным, — решение, категорически отвергнутое Западом; 3) Решение ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» (2013 г.), при оценке которого КС (в Постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П) впервые воспользовался предоставленным законом правом отказать в исполнении решения Страсбургского суда, посчитав, что международный орган превысил свои полномочия и нарушил суверенитет страны (потребовав от России предоставления избирательных прав заключённым, отбывающим наказание в колониях, — что прямо противоречит Конституции РФ).

Общим результатом их растущего противостояния стали постановление КС РФ о возможности неисполнения решений ЕСПЧ (Постановление от 14 июля 2015 года №21-П)²¹, принятие поправок в Федеральный конституционный закон о КС (2015 год)²² и Конституцию РФ (новая редакция статей 79 и 125, принятая конституционной реформой 2020 года) (подробнее см.: [Конституция России..., 2025]). Завершением данного тренда следует признать выход России из Совета Европы и разрыв с юрисдикцией ЕСПЧ в условиях международного кризиса 2022 г. [Конституционный суд..., 2022].

Констатируется нарастание конфликтов международных судов как отражение фрагментации правовых регионов [Право Европейской конвенции..., 2018]: рост: доктринальных противоречий международных и национальных судов (доктрины «контрлимитов», «принципиального сопротивления» и споров о компетенции); стратегий судебного толкования (традиционные и нетрадиционные способы толкования, статичное и динамичное толкование, эволютивное толкование); расхождения в понимании таких основополагающих идей, как принцип пропорциональности, границы свободы усмотрения и судейский активизм, как факторов интеграции или фрагментации. Выражением этого тренда становится кризис легитимности международных институтов и правосудия, которые пасуют перед разнообразием правовых традиций [Torrisco-Casals, 2022], «не находят общего языка», оказываются всё менее эффективны в разрешении международных конфликтов, сталкиваясь с обвинениями в недееспособности, пристрастности и запоздалости решений.

Вывод. Пересмотр интерпретации универсальных стандартов международного правосудия?

Существующая система международного правосудия, по-видимому, не имеет достаточных рычагов воздействия на издержки правовой глобализации. Причина кризиса легитимности международного права — отсутствие базового консенсуса между глобальными регионами и государствами по отношению к смыслу правовых ценностей, принципов и договорных норм. В период после Второй мировой войны сама вера в становление такого консенсуса или возможность его достижения в перспективе существовала, что нашло выражение в создании ООН, Всеобщей декларации прав, ЕКПЧ и системы

²¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 № 21-П // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

²² Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2015. № 51 (ч. 1). Ст. 7229.

международного правосудия как инструмента глобальной правовой интеграции. Ныне эта вера поколеблена.

В настоящее время приходится констатировать, что формальное принятие единых стандартов прав человека, верховенства права и демократии подавляющим большинством стран мира не стало решением проблемы глобальной правовой интеграции, поскольку не исключает конфликта интересов — новых форм дискриминации, господства, появления различных типов популистских режимов. Модель правовой интеграции ЕС, длительное время рассматривавшаяся как успешный прообраз глобальной правовой интеграции, в настоящее время стала предметом интенсивной критики за растущую морализацию, двойные стандарты, игнорирование незападной правовой культуры, навязывание европейских стандартов другим странам и регионам вопреки их правовой традиции и идентичности. Это заставляет, как минимум, вернуться к переосмыслению её базовых принципов и пределов реализуемости.

Ранее общий вектор однозначно состоял в движении от политики к праву — стремлении к юридизации политики путём расширения полномочий институтов международного и национального правосудия. В настоящее время, по-видимому, возобладал противоположный вектор — движение от права к «реальной политике», выражением чего стали процессы фрагментации, конфликта идентичностей и компетенций международных и национальных судов. Все ведущие государства настаивают на том, что их действия соответствуют международному праву, но на деле предлагают его противоречивые интерпретации, служащие обоснованию собственных интересов. Если этот вывод соответствует действительности, то актуальная задача международного сообщества состоит в поиске новых политических оснований глобального правового консенсуса, способного обеспечить непротиворечивую интерпретацию стандартов международного права в условиях формирования повестки глобальной политики права.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бауринг Б. (2021). Деградация международного права? Реабилитация прав и возможность политики [Bowring B. (2021). Degradation of the International Law? Rehabilitation of Rights and Possibility of Politics]. — М.: НЛО.
- Бауринг Б. (2012). Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Кононов против Латвии» (17 мая 2010 г.): права ли Российская Федерация в своем понимании отношения политики и международного права? [Bowring B. (2012). Judgment of the Grand Chamber of the European Court of Human Rights in the case of Kononov v. Latvia (17 May 2010): Is the Russian Federation Right in Its Understanding of the Relationship between Politics and International Law?] // *Международное правосудие*. № 2. С. 75-83.
- Бюргорге-Ларсен Л. (2014). Позитивные обязательства в практике органов Межамериканской системы защиты прав человека [Burgorgue-Larson L. (2014). Positive Obligations in the Praxis of Inter-American System of Human Rights Protection Organs] // *Международное правосудие*. № 2. С. 106-121.
- Войников В. (2020). Право Европейского Союза в практике Европейского Суда по правам человека [Voynikov V. (2020). The Law of European Union in the Case-law of the European Court of Human Rights] // *Международное правосудие*. № 1. С. 50-66.
- Гнатовский Н. (2013). Международное гуманитарное право: насколько ограничены возможности международного правосудия? [Gnatovskiy N. (2013). International Humanitarian Law: Limits of International Justice?] // *Международное правосудие*. 2013. № 2 (6). С. 65-73.
- Интеграционное правосудие в современном мире: основные модели (2016). / Под ред. С.Ю. Кашкина [Integrative Justice in contemporary World: Basic Models (2016). / S.Ju. Kashkin (ed.)] — М.: Норма.
- Исполинов А. (2015). Суд Европейского Союза против присоединения ЕС к Европейской Конвенции по правам человека (причины и следствия) [Ispolinov A. (2015). The Court of Justice of the European Union against the EU's accession to the European Convention on Human Rights (reasons and consequences)] // *Международное правосудие*. № 1 (13). С. 118-134.
- Исполинов А. (2016). Прецедент в практике Суда Европейского Союза [Ispolinov A. (2016). Precedent in the Jurisprudence of the European Union Court of Justice] // *Международное правосудие*. №3. С. 64-77.
- Исполинов А. (2018). В поисках новой парадигмы: Суд ЕС и ЕСПЧ спустя три года после Заключения № 2(13) [Ispolinov A. (2018). In Search of a New Paradigm: the European Court of Justice and the European Court of Human Rights Three Years after Opinion No. 2/13] // *Международное правосудие*. № 2. С. 16-27.

- Кембаев Ж. (2016). Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза [Kembayev Zh. (2016). The Comparative Study of Functioning of the Court of the Eurasian Economic Union] // *Международное правосудие*. № 2. С. 30-45.
- Ковлер А., Фокин Е., Черенкова В. (2019). Органы международного правосудия в интеграционных системах современного мира [Kovler A., Fokin E., Cherenkova V. (2019). Bodies of International Justice in the Integration Systems of Modern World] // *Международное правосудие*. № 2. С. 44-61.
- Конституционный суд России: осмысление опыта (2022). Под ред. А.Н. Медушевского [Russia's Constitutional Court: Rethinking Its Experience (2022). / A.N. Medushevskiy (ed.).] — М.: Центр конституционных исследований.
- Конституция России после реформы 2020 года. Проблемный комментарий (2025) / Под ред. А.Н. Медушевского [The Constitution of Russia after 2020 Reform. Legal and Political Commentary (2025). / A.N. Medushevskiy (ed.).] — М.: Центр конституционных исследований.
- Лифшиц И. (2019). Международные договоры государств — членов Европейского союза с третьими странами в практике Суда ЕС [Lifshits I. (2019). International Agreements of the EU Members with the Third Countries in the CJEU Jurisprudence] // *Международное правосудие*. № 3. С. 84-101.
- Медушевский А.Н. (2023). Глобальный конституционализм: процессы интеграции и фрагментации в создании нового мирового порядка [Medushevskiy A.N. (2023) Global Constitutionalism: Integration and Fragmentation Processes in the Creation of a new World Order]. — М.: Direct-Media.
- Мороз Р. (2015). Правило исчерпания внутренних средств правовой защиты в африканской системе защиты прав человека [Moroz R. (2015). The Rule of Exhaustion of Domestic Remedies in the African Human Rights System] // *Международное правосудие*. № 4. С. 91-102.
- Нешатаева Т. (2015). Европейская Конвенция по правам человека и интеграция интеграций: пути преодоления фрагментации международного права [Neshataeva T. (2015). European Convention for Human Rights and Fragmentation of International Law] // *Международное правосудие*. № 4. С. 3-10.
- Нешатаева Т. (2016). О проблемах в действии решений органов ЕАЭС в национальных правовых системах государств-членов [Neshataeva T. (2016). On Ambiguous Effects of the EAEU Bodies' Decisions within National Legal Systems of the Member States] // *Международное правосудие*. № 3. С. 10-17.
- Нешатаева Т. (2017). Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву [Neshataeva T. (2017). The Court of the Eurasian Economic Union: from Legal Opinion to the effective Law] // *Международное правосудие*. № 2. С. 64-79.
- Нуссбергер А. (2019). Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод — Конституция для Европы? [Nussberger A. (2019). European Convention for Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms — a Constitution for Europe?] // *Международное правосудие*. № 2. С. 3-19.
- Нуссбергер А. (2022). Европейский Суд по правам человека [Nussberger A. (2022). The European Court on Human Rights]. — М.: ИППП.
- Пара Вера О. (2015). Применение принципа должной осмотрительности в борьбе с безнаказанностью в практике Межамериканского Суда по правам человека [Para Vera O. (2015). The Jurisprudence of Inter-American Court in the Respect of Impunity] // *Международное правосудие*. № 1. С. 20-31.
- Право Европейской конвенции по правам человека (2018). / Под ред. Д. Харриса, М. О'Бойла, С. Уорбрика (Eds) [Law of the European Convention on Human Rights (2018). D. Harris, M. O'Boile, C. Warbrik (eds.).] — М.: Развитие правовых систем.
- Ржевская В. (2013). Африканский суд справедливости и прав человека и Международный Суд ООН: сравнительно-правовой очерк [Rzhevskaya V. (2013). The African Court of Justice and Human Rights and the International Court of Justice: A Comparative Legal Essay] // *Международное правосудие*. № 2. С. 109-116.
- Русинова В. (2016). «Юрисдикция» и «вменение» в решениях ЕСПЧ, связанных с применением Конвенции на территории непризнанных государств: взболтать, но не смешивать? [Rusinov V. (2016). «Jurisdiction» and «Imputation» in the ECtHR Decisions on the Application of the Convention on the Territory of Unrecognized States: Shake, but do not Stir?] // *Международное правосудие*. № 1. С.59-69.
- «Совесть Европы» в действии: 350 решений Европейского Суда по правам человека (2019). Под ред. М.Т. Тимофеева, Н.М. Секретовой [«Conscience of Europe» in Action: 350 Decisions of the European Court on Human Rights (2019). M.T. Timofeev, N.M. Sekretova (eds.).] — М.: ИППП*²³.
- Сыченко Е. (2016). Принцип неделимости прав человека в практике Европейского Суда по правам человека [Sychenko H. (2016). The Principle of Indivisibility of Human Rights in the Jurisprudence of the European Court of Human Rights] // *Международное правосудие*. № 2. С. 61-68.
- Тимофеев М. (2013). «Яновец и другие против России»: катынская трагедия в прокрустовом ложе судебных решений [Timofeev M. (2013). «Yanovets and Others vs. Russia»: the Katyn Tragedy in the Procrustean Bed of Court Decisions] // *Международное правосудие*. № 4. С. 4-10.

²³ — Настоящий материал (информация) произведён, распространён иностранным агентом Автономная некоммерческая организация «Институт права и публичной политики», либо касается деятельности иностранного агента Автономная некоммерческая организация «Институт права и публичной политики».

- Толстых В. (2018). От апологии к апологии: некоторые общие проблемы деятельности Суда Евразийского экономического союза [Tolstyykh V. (2018). From Apology to Apology; General Problems arising from the Activity of the Eurasian Economic Union Court] // *Международное правосудие*. № 3. С. 66-76.
- Чайка К. (2020). Конституционализация права интеграционных объединений: самостоятельный феномен или отголоски глобального конституционализма? [Chayka K. (2020). The Constitutionalization of the Right of Integration Associations: an Independent Phenomenon or Echoes of Global Constitutionalism? // *Международное правосудие*. № 1. С. 67-78.
- Constitutional Crisis in European Constitutional Area. Theory, Law and Politics in Hungary and Romania*. (2015). A. von Bogdandy, P. Sonnevend (eds.). — London: C.H.BECK-Hart-Nomos.
- Dulitzky A.E. (2015). The Constitutionalization of International Law in Latin America: An Alternative Approach to the Conventionality Control Doctrine // *American Journal of International Law*. Vol. 109. Pp. 100-108.
- Global Constitutionalism from European and East Asian Perspectives* (2020). T. Suami, A. Peters, D. Vanoverbeke, M. Kumm (eds.). — Cambridge: Cambridge University Press.
- The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions*. (2020). / R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle (eds.). — Oxford: OUP.
- Torbisco-Casals N. (2022). The Legitimacy of International Courts: the Challenge of Diversity // *Journal of Social Philosophy*. Wiley: Online Library. 11.01. 2022. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/josp.12452> (access date: 11.03.2025).
- Ulfstein G. (2020). International Courts and Tribunals and the Rule of Law in Asia / T. Suami A. Peters, D. Vanoverbeke, M.Kumm (eds.) // *Global Constitutionalism from European and East Asian Perspectives*. — Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 518-529.
- Vasciannie S. (2020). The Appellate Jurisdiction of the Caribbean Court of Justice // *The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions*/ R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle (eds.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 503-528.

Медушевский Андрей Николаевич

amedushevsky@mail.ru

Andrei Medushevskiy

Doctor of Science (Philosophy), Tenured Professor Higher School of Economics (Moscow)

amedushevsky@mail.ru

INTERNATIONAL JUSTICE IN SEARCH OF A BALANCE BETWEEN LAW AND POLITICS. PART 1

Abstract. The crisis of international law demonstrates the growing instability in international relations regarding such areas as legitimacy versus legality, fragmentation versus integration, and legal asymmetry versus symmetry. The potential of these changes is so high, that makes it possible to put under question the continuity of the basic social contract — international consensus achieved between super-states after the end of the Second World War, and represented in the UN Charter and Statute of the International Court of Justice. The lost balance in international relations means the great challenge to the whole system of international justice, which should be the guardian of the international norms implementation, from the one hand, and neutral and effective instrument of legal mediation between conflicting actors, from the other. Observing conflicting trends and difficulties of the current international justice, the author consider the prospect of a new balance as achieved by complex of legal, extra-legal, and political mechanisms for the establishment of the more sustainable international justice.

Keywords: *international law, international justice, international and national courts, conflict of competences, criminal justice, transitional justice, politics of law.*

JEL: K33, K38, K40.